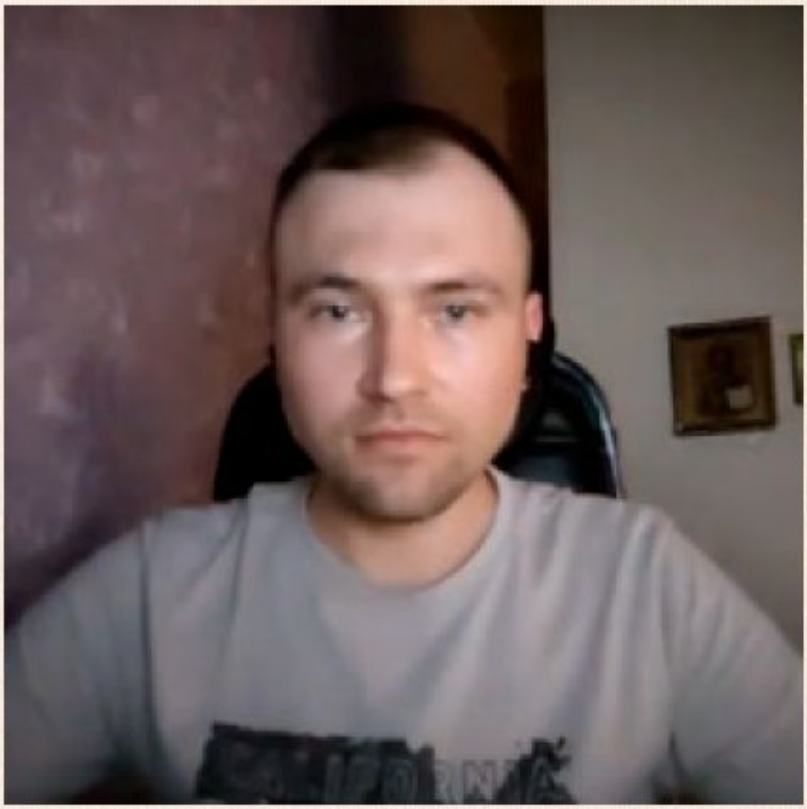
АЗБУКА ВЕРЫ

Пятидесятник перешел в Православие

Пятидесятник перешел в Православие – материал раздела «Мой путь к Богу» православного портала «Азбука веры».

Оригинал и другие материалы: azbyka.ru/way/pjatidesjatnik-pereshel-v-pravoslavie

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект, все материалы которого доступны бесплатно. Поддержать портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Пятидесятник перешел в Православие

Александр из Московской области 11 лет посещал протестантские общины. Однако осознав, что протестантское богословие противоречит тому, чему учил Христос и апостолы, вернулся в Православие.

Расшифровка видео

А. Волков:

Александр, приветствую тебя, рад, что ты откликнулся на возможность рассказать о своём переходе в православие. Я так понял, ты из Москвы?

Александр:

Я из ближайшего Подмосковья, город Подольск.

А. Волков:

Да, отлично. Я так понял, что ты был раньше пятидесятником 11 лет.

Александр:

Я был первые четыре года харизматом, таким из наиболее радикальных, весёлых. Я ещё был молод тогда. Я пришёл вообще туда через реабилитацию. Как многие на самом деле – мои, по крайней мере, знакомые, не разбирался в том, какие Церкви есть. Я даже вообще не слышал о протестантах до этого, только что свидетели Иеговы, что они какие-то странные. Но оказался в центре, я вообще думал, что это православный, они сказали: «просто христиане», но оказались не просто христиане, а такие достаточно интересные христиане.

А. Волков:

Расскажи, как ты попал туда вообще, какая там деятельность, может быть, ты участвовал в каких-то мероприятиях там, насколько ты глубоко погрузился в протестантизм, в его учение, или это просто было времяпрепровождение весёлое. Я иногда посещал харизматов, видел, как там весело, музыка, танцы, пение, там флагами машут. Мне больше всего нравилась музыка. Я когда первый раз попал к харизматам в Петербурге – это было начало девяностых годов, там был такой у них пастор Котов, была большая община у них, они занимали целый зал огромный, там, может быть, несколько тысяч помещалось. Там профессиональная музыка, профессиональные музыканты играли, и меня больше привлекало это, как говорится, они на драйве были. Я учился в этот момент в Петербурге, будни одни и те же, а тут пришёл, повеселился, как говорится, душу отвёл. Как ты туда попал, расскажи. Как получилось так, что ты начал задумываться о переходе в православие?

Александр:

Я был крещён в православной Церкви приблизительно в 6-7 лет, это, наверное, год 1995, вместе с отцом, он во взрослом возрасте крестился, ну и меня как бы заодно как ребёнка. У него были проблемы с алкоголем, и он там к «Анонимным алкоголиком» ходил год-два, и, собственно, меня тоже водил в церковь, в разные лагеря, помню, православные. Я тогда, понятно, особо не сильно что-то понимал. Потом он отошёл от православия, собственно, я тоже

не увлекался. Помню, в 16-18 лет мне попал в руки Новый Завет, мне дал его «гедеоновский» брат, и я почитал Евангелие. Оно меня прямо коснулось. Пару-тройку глав я прочитал, Нагорную проповедь, что-то в этом роде. Но потом я пришёл в офис– я уже тогда работали, мне сказали, что это неправильный крест, неправильное Евангелие и выкинули его, не надо тебе такую литературу читать. Я поверил не особо, но слова меня как-то коснулись. Я об этом вспомнил уже через много-много лет, когда осознанно протестантом уверовал. До 23 лет я был в зависимости. Сначала понемножечку выпивал, как все, покуривал, в 23 года я впервые попал в реабилитационный центр к протестантам, как раз к харизматам. Я был не совсем в адеквате, плюс не очень понимал, куда я попал. Но потом, когда протрезвел, пришёл в себя, пытался оттуда убежать, пришлось вернуться, и пробыл я там месяц.

Я тогда был, наверное, атеистом- агностиком. Помню, что много спорил со всеми, в общем, не принимал особо благую весть, но в течение месяца как-то более-менее меня убедили. Я начал дома изучать Евангелие, и пару раз побывал в так называемой Церкви харизматической. Вначале мне было, конечно, непонятно: языки, танцы какие-то на прославлении, вот эти все вещи, это было сложно. Но со временем как-то привык, человек ко всему привыкает. Очень быстро я начал служить. Так как я был «продажником», достаточно коммуникабельный человек, начал участвовать в различных евангелизациях, проповедовал внутри центра, делал различные молитвы, изучение слова, разбор слова, потом запоминание стихов. Я сам выучил несколько глав из Библии, Новый Завет, псалмы, потом перечитал несколько раз Новый Завет. То есть я был одним из тех, кто так искренне уверовал.

Где-то в 2017 году произошёл некий кризис внутренний, такой первый серьёзный, я перегорел от множества служений и перешёл в другую протестантскую общину. Плюс у меня уже тогда закрадывались сомнения по поводу харизматических практик, коих там было очень много. Экзорцизм, святой смех, падение в духе, языки очень громко постоянно на собраниях. Когда нового человека приводишь, своего друга – неважно, он как бы смотрит, что это за беснование такое, ну, как у апостола Павла написано, примерно так оно и происходило. Я перешёл в более спокойную общину в этих духовных проявлениях, но при этом она такая была шумная. Одиозные достаточно люди, известный Евгений Пересветов, в 2017 году я перешёл в его московскую общину, наверное, слышали. Там очень много было активности молодёжи, различные евангелизации, различные собрания, было очень так активно, гораздо больше молодёжи. Меня это всё вдохновило. Спустя несколько месяцев стал заниматься активной деятельностью.

А. Волков:

А почему перешёл к Пересветову? Тебе не нравилось это, или просто ты повзрослел, или как-то по библейским, по богословским противоречиям?

Александр:

У меня был некий диссонанс. Слова с кафедры различались разительно с делами служителей и тех, кто находился внутри общины. Она была небольшая община, человек 50–70, до ста в разное время. Пасторы говорят постоянно, что нужно проповедовать, нужно людей завоёвывать для Христа, нужно заниматься активностью. А люди, лидеры особенно, те, кто должен подавать пример, они были очень пассивны. Какое-то время и я где-то стал подугашать, плюс мои знакомые, друзья, с кем я общался, все занимались своими делами, работой, на собрание приходили, попили, потанцевали – и до свидания. А у общины Пересветова я стал приезжать на некоторые их мероприятия, общаться, там я жену присматривал, и я увидел, что их община очень такая горячая, искренняя, там люди постоянно приходят новые. Их слова с делами не так сильно расходятся. Плюс вот эти моменты

харизматические, которых там как раз было не так много. То есть более практичное богословие и служение, так бы я характеризовал. Плюс харизматичная фигура Евгения, его проповеди, достаточно такой был активный проповедник, такой более молодой, горячий, и всё остальное. Я перешёл, через полгода-год я начал активно участвовать в завоевании, там их девиз был: «завоёвывай и наставляй». Ну, вот в завоевании людей города участвовал, приводить сюда разных людей. С 2018 года начали вести домашнюю группу, пока Евгений ещё был. Через несколько месяцев его депортировали, в конце 2018 года из России когда он возвращался с отдыха, с каких-то островов, его не пустили в Россию, он был гражданином Украины, был очень активный, и на телевидении в различных передачах, может, видели, к нам даже Владимир Вольфович Жириновский приезжал на собрание на Рождество. Просто для протестантов что-то невероятное мы творили там в Москве.

В 2019 году, наверное, случился следующий кризис. Там наложилось несколько факторов: неудачи в личных отношениях, какая-то немножко апатия, депрессия, я снова немножко перегорел. В середине 2019 года перестал вести группу домашнюю. Продолжил служить как-то формально в каких-то моментах – в детском служении я помогал, в лагеря ездил, социальные какие-то проекты, я одно время даже лидером, можно сказать, был, ездил в разные социальные центры. Где-то с 2018 года ко мне попал на домашнюю группу один очень умный человек, он разные умные вопросы задавал. Мне приходилось лазить по интернету, с «Азбуки» многие какие-то ответы святых отцов пришлось читать. Стал слушать радио «Теос», там Сергей Львович Худиев, православный апологет, там в основном какие-то общехристианские темы были, но что-то православное, он там про иконы рассказывал, я там какие-то ему вопросы задавал. В 2020 году был ковид, понятно, это всё прошло, и мне порекомендовали несколько человек в разное время изучать теологию, пойти в теологический институт. Я принял это как голос от Бога и поступил в начале осени 2020 года в МТИ, Московский теологический институт. Конечно, это сразу на меня не повлияло в сторону православия всерьёз, но в 2021 году я какие-то источники, лекции, диспуты стал слушать православной стороны и лучше ознакомился с их аргументами по поводу того, что есть первичность Церкви по отношению к Писанию, первичность Предания, то, что есть единая Церковь, а всё остальное – это уже второстепенно, ну, раскольники – это раскольники. Я тогда всерьёз эти аргументы не воспринял, я их услышал, но не посчитал достаточно убедительными по поводу апостольского преемства и так далее. Но потом я больше изучил историю Церкви, Вселенские соборы, где единая Церковь боролась с ересями, утверждала нашу веру, то, что мы приняли веру в Троицу и двоицу, Богочеловечество во Христе– неслитно, нераздельно, неизменно, неразлучно и прочее.

Ещё такой важный момент о необходимости языков, вот по практике пророчества и всего остального, то, что было там, в харизматике пятидесятников. Просто пятидесятническое обоснование иных языков в том, что когда ты ими молишься, ты духовно назидаешься и духовную смелость для миссионерского служения получаешь. Как бы. Но я разницы не замечал. Плюс я изучил биографию Билли Грэма, который проповедовал гораздо больше, чем все пятидесятники, которых я знал. И я не видел в этом действительно какой-то необходимости, это как будто само внушение какое-то, ты чуть побормотал что-то, и как будто бы тебе лучше стало чуть-чуть.

А. Волков:

Ты на языках говорил?

Александр:

Конечно, я все эти десять лет говорил, сначала в реабилитационном центре, ну, и дальше.

Потом я их меньше стал использовать в личной молитве, только если когда все вместе молились, не на собрании, а где-то отдельно мы молились, да, на языках можно было поговорить. Но в личной молитве я их мало использовал последние несколько лет.

А. Волков:

А в реальности что это такое за языки, как ты считаешь вообще?

Александр:

Ну, понятно, сейчас моё мнение кардинально изменилось. То есть я всё-таки считаю, что языки – это были реальные языки, которые люди могли понимать. Я считаю, что это, по слову того же Сергея Львовича Худиева, в основном психологическая практика. Ты просто пытаешься повторять за людьми, которые как бы крестят тебя Духом Святым, молятся за тебя, ты за ними повторяешь, что-то своё у тебя рождается, просто начинаешь что-то бормотать. Потом это превращается во что-то более-менее связанное, и ты это много раз повторяешь, потом видоизменяешь, добавляешь какие-то звуки. То есть это такое немножко творчество, немножко самовнушение, немножко психологическая просто такая манипуляция, можно сказать. Я не вижу в этом чего-то радикально такого демонического, как некоторые толкуют. Может, в каких-то отдельных случаях, я не знаю, но в целом это больше такая психологическая практика глоссолалии, которая к библейским иным языкам отношения в общем-то не имеет, как я сейчас считаю.

А. Волков:

Я понял. То есть это получается некое подражание с добавлением своих каких-то нюансов.

Александр:

Где-то в 2021 году я много стал активно служить, мы ездили на вокзалы бездомным помогать, а потом я домашние группы не вёл, но уже помогал своему другу вести, периодически там проповедовал на какие-то фундаментальные темы: Троица, толкование Библии и прочие такие вещи, которые уже сами по себе как бы приближают тебя к православию, хотя я тогда и не осознавал этого. Мне понравилась концепция consensus patrum, которую я узнал, что это один из ключей правильного понимания текстов. Потому что проповеди пастора в последние годы я слушал разве что для понимания, типа проповеди и для просто назидания в каких-то практических моментах. Но тема толкования – ничего нового, такого какого-то «мяса» я не слышал уже достаточно давно. В МТИ конечно, да, на сессиях я там прямо погружался так конкретно, плюс мы там стали изучать и другие религии, много чего ещё.

Потом случился некоторый кризис, связанный с тем, что многие друзья уехали из России, мне самому пришлось уехать на пару месяцев в 2022 году. Наша домашняя группа распалась, и собственно, где-то с лета 2022 года я стал регулярно посещать собрания «Слова жизни», молодёжные мероприятия какие-то и так далее. Появилось много знакомых, друзей, и я плавно перетёк туда, когда я вернулся в Россию в конце 2022 года, и до декабря-января я колебался и потом принял решение. Там компания быстро нашлась, друзья, там много народу, там меньше какого-то контроля, подотчётности, всё более свободно. Хотя я позже там нашёл духовного наставника, даже там исповедь у меня там некоторая была, так сказать – но это у меня личная потребность какая-то внутренняя была.

В мае 2023 года я официально стал членом «Слова жизни» Я давно уже знал некоторых служителей достаточно, мы и на лыжах вместе катались, и бегом занимались, я был марафонским бегуном какое-то время. В общем, принимал лучшие традиции молодёжных

служителей пятидесятнических. Я стал вести богословский канал, где по апологетике общехристианской писал, по философии, богословию, простым языком пытался писать какие-то сложные понимания, сравнивал христианство с атеизмом, с наукой, роль религии и науки вообще в мировоззрении человека, и прочее. То есть на какие вопросы отвечает религия, а на какие наука, и какая религия более истинна, подводила людей, скажем так, к христианству.

В 2024 году я съездил миссионерскую поездку от «Слова жизни», и тогда или чуть позже я начал слушать диспуты, какие-то видео с твоего канала слушал несколько, потом отца Евгения Веселова, с бывшими МТИ-шниками моими, так сказать, этими коллегами, с ними они дискутировали. Я просто видел, что православное обоснование куда более логичное, куда более полное, куда более обоснованное. Я даже тут записал. То есть у меня появлялись сомнения о протестантизме из-за разрозненности в течении и направлении, то есть не было никакого единства, это было достаточно очевидно. А то, как нас учили в МТИ о невидимой Церкви, в которую входят как бы все верующие, это очень шаткая такая позиция, потому что единства очевидно нет. А в Новом Завете, вообще в Писании мы не видим этой концепции невидимой Церкви, куда все верующие входят. Это была все-таки единая Церковь, хоть состояла из разных народов, разных людей, но учение было одно, одно крещение, одна вера, одно причастие и прочее. Стало очевидно, что соло скриптура не работает, что Писания недостаточно, оно не самоочевидно, для его толкования что-то ещё нужно. А что найти в протестантизме для этого критерия? В общем-то, ничего не было. Вопрос оставался безответным, что является критерием истинности толкования Писания.

Спасение по вере – тоже такая сложная тема. Все спрашивают, можно ли потерять спасение. И понятно, что мы как-то выкручивались, пытались найти ответ на этот вопрос, вроде бы как Бог призывает, вроде можно отказаться от этого спасения. Но православное объяснение, что мы ещё не спасены, просто можем отказаться сойти с этого пути спасения, более понятное и простое. В достижении может быть более сложное. То есть ты там уверовал – вроде спасён, если сильно не грешишь, то нормально уже как бы. А тут всё-таки нужно и бороться со страстями, и в Таинствах участвовать, и прочее доброделание и так далее. Ещё неплохо было бы святых отцов изучать и вообще понимать свою веру, и стараться с внутренними ересями бороться. Я хоть это и раньше понимал, но общаясь с простыми протестантами – рядовыми, не богословами, там чего только не наслушаешься, там каждый вообще верит в своё, в какой-то клубок, клубок непонятных каких-то представлений и опыта человека.

А.Волков:

В принципе и в православии тоже, если разговаривать с различными людьми православными, то тоже можно наслушаться всего, во что люди верят. Просто в православии организовано учение конкретно, то есть есть чёткое учение Церкви. Оно прописано, оно утверждено, а в протестантизме как такового учения нет. Есть принципы вероучения. Даже у баптистов, у них на сайте нет чёткого баптистского учения, скажем так. У них есть на сайте принципы вероучения баптизма. И поэтому получается, что чёткого вероучения не существует. Я не знаю по поводу пятидесятников. Есть огромные богословские дыры, вопросы задаёшь, и люди начинают плавать в этих вопросах, потому что нет на них ответа совершенно, даже на самые элементарные вопросы.

Александр:

Ну да, согласен. То есть православное учение более цельное, более понятное. Вот то, что ты говоришь по поводу того, что православные тоже могут там в какие-то крайности уходить, что-то не понимать, понимать неправильно и так далее. Это очевидно, конечно. В том числе и я сейчас тоже понимаю, что я далеко не всё понимаю, и что-то понимаю не так, как надо. Но

есть нюанс. Я доверяюсь в том, в чём не понимаю, учению Церкви, которая есть столп и утверждение истины, которую Христос создал, и которую врата ада не одолеют. Я верю в соборный голос Церкви, я его могу послушать, могу почитать, загуглить, могу спросить духовника и прочее. И даже если что-то не пойму, я всё равно доверяю учению Церкви, и через это принятие я уже являюсь сопричастником. Ну, конечно, не через это, через Таинства, но именно теоретические вопросы я решаю через этот момент. Понятно, что до конца мы там всего не поймём. Бога понять невозможно до конца. Но то, что Он открыл – это истина, и открывает Он это не просто через Библию книгу, а книга-то сформировалась позже, Он открыл через учение, которое передал апостолам, те передали своим ученикам, те своим. И в церкви действует Святой Дух, Который хранит эту истину, помогает бороться с заблуждениями, лжеучениями, ересями и утверждать именно истину, которая соответствует реальности, соответствует Божественной истине и о Христе, о Боге, в первую очередь, и о других вещах тоже. Конечно, у меня до сих пор есть проблема с практическим принятием этих моментов, как иконопочитание, почитание мощей, почитание священства, целование святынь. Я это делаю по вере, так сказать, без проблем, но тут есть вопрос как раз по практике.

А. Волков:

Расскажи, как произошёл переход, когда ты принял решение.

Александр:

Я послушал диспуты, был уже склонен в сторону православия, чаша весов перевесила. У меня было такое, что теоретически я уже принял, что я больше православный, я уже давно это говорил, и в разговорах с протестантами я защищал уже православное учение, как раз иконопочитание и другие вещи. Но я не считал это обязательным. Я не считал обязательным принадлежать именно к этой структуре, молиться перед иконами и прочее. Вопрос Причастия – он, конечно, важный, но я его тогда недостаточно понимал. Потом, в середине лета прошлого года, мы списались с одной сестрой из «Слова жизни», она тоже была на миссии в Турции, но чуть в другое время, и у неё тоже появлялись вопросы. Она из «Слова жизни» ушла в харизматическую какую-то церковь, там была классная община, ей всё нравилось, но учение не нравилось, дыры большие были. И она тоже как-то в сторону православия присматривалась. Из одного прихода её выгнали очень радикального, когда на исповеди она сказала, что протестантка. Ей сказали, что ей надо проходить чин присоединения.

Мы в итоге пошли в храм Космы и Дамиана в Шубине. Я был знаком с этой общиной, за два года до этого мы случайно с отцом Александром Борисовым пересеклись на нашей протестантской конференции. В Раменском есть большой баптистский центр, по-моему, христианский, и там они арендовали помещение, проводили свой выезд. мы там познакомились, я с ним сфотографировался, немножко пообщался, пришёл потом к ним в храм ещё в 2022 году, просто купил книжек, послушал какую-то лекцию и ушёл, тогда даже на службе не побыл. А в 2024 году, прошлым летом мы в августе сходили на службу, я потом на месяц пропал, у меня как-то не получилось ездить, ну и далековато. А она как-то быстро втянулась. И где-то с середины сентября я начал тоже регулярно посещать, и где-то в середине сентября я принял решение. В октябре я рассказал многим моим друзьям, кому-то я уже до этого рассказал, что подумываю. Большинству тех, с кем общался, я уже рассказал позже, где-то в октябре, что я перехожу в православие, фактически уже перешёл. Но там была проблема такая. Там не проводят чин присоединения к православию, там просто ты исповедуешься, если ты был крещён в православии –и всё, тебя допускают к Причастию. Собственно, ты уже член Церкви, всё хорошо. Но всё-таки вопрос чина мне не давал покоя. Плюс в какой-то момент я понял, что община там классная, там молодёжь, там есть домашние группы, какие-то встречи, выезды, но далековато ездить. Плюс на праздники, по воскресеньям очень много народу, тесно.

И я понял, что у меня есть храм в десяти минутах от моего дома. И в декабре я туда пришёл, я как раз шёл с работы вечером, услышал звон колоколов и зашёл туда. Пришёл, отстоял службу и в конце подошёл к священнику. Тот сказал, что мне надо чин пройти, но для этого нужно записаться к батюшке, к настоятелю– он не был не настоятелем, он второй священник. Я взял номер настоятеля, созвонился, пришёл на встречу перед новым годом. У нас очень интересная беседа получилась. Оказалось, он знаком с протестантами, с одним учился ещё в школе или где-то в училище. Потом у него много друзей, протестантов, общих знакомых мы с ним нашли в Подольске, причём пасторов. То есть он общался со многими, раньше вёл диспуты активно с протестантами, немножечко подперегорел, вроде как-то подустал от этого, но в принципе в теме. Поэтому мы многие вопросы обсудили, потом ещё пару встреч провели, с вопросами по чину прошлись. За неделю перед Пасхой я принял чин присоединения: написал запрос на имя архиерея нашего Подольского. Пришёл ответ, и я присоединился к православию.

А. Волков:

Отлично. Чин присоединения по идее необязательный как таковой, просто нужно самому человеку его пройти, потому что там идёт отречение от ереси.

Александр:

Также было Таинство Миропомазания. А официально в канонах сказано, что нужно присоединять инославных через Миропомазание, насколько я читал.

А. Волков:

Ну, это богословские вещи, не будем обсуждать. Да, через Миропомазание лютеран вообще принимают.

Александр:

Мне провели и чин Миропомазания, так что всё хорошо.

А. Волков:

Ты же в эту общину ходил «Слово жизни» в последний раз, да? Как отреагировали прихожане твои товарищи там, братья, сестры?

Александр:

В большинстве своём сдержанно. Я недавно слушал эфир с твоего канала, чтобы как подготовиться немножко. Там один человек сказал очень интересную такую фразу, что протестанты делятся на три типа.

Первые– которые интересуются, им интересно, такая добрая почва, им можно что-то рассказать и так далее.

Вторые– они вроде бы понимают, что что-то не так, может быть, даже что-то их смущает, может и православие интересует, но у них комфортные места, не хочется выходить из зоны комфорта и прочее.

А третьи – которые становятся против православия, которые начинают критиковать, говорят: идолопоклонник, язычник, сектант. За чат «Возвращение домой» меня один сектантом назвал – за то, что я просто в нём присутствую, не более того. То, что, не принимаю

их вероучение как истинное, за то, что я не толерантный к их учению. Я, можно сказать, где-то посередине, на самом деле. Я ходил поначалу вообще к экуменистам– храм Космы и Дамиана, уверовал через радикалов, через диспуты, и сам где-то принял среднюю позицию. Потому что по-человечески я протестантов люблю, у меня там много друзей, я знаю, что многие искренне ищут Бога, стремятся к Нему, пытаются Ему угодить, как они Его понимают, и в целом положительные, добрые люди. Но понятно, мы не знаем, кто спасётся наверняка, я и за себя этого не могу сказать точно. Но для себя я принял, что наиболее точный, правильный путь – православие, в той Церкви, которую Христос создал руками апостолов и Духом Своим. Соответственно, это путь для меня в первую очередь, моё откровение. Но когда я свидетельствую, если меня спрашивают, конечно, я говорю о том, что в православии там и правильное вероучение, и Таинства действенные, то есть там истинны Тело и Кровь Христа, истинно то, что ты причащаешься, действительно соединяешься с Ним реально, а не просто по вере, так сказать, интеллектуально, и прочее, то, что это истинная Церковь, и так далее, и так далее. Понятно, что я не обзываю никого еретиками, сектантами. Иногда до сих пор я езжу в свою протестантскую общину с друзьями увидеться, раз в месяц-полтора.

А. Волков:

Ну, а как вообще отреагировали друзья?

Александр:

Очень по-разному. В большинстве своём люди вроде тоже христиане, нормально, главное во Христа верим и всё – что-то такое я слышал. Кто-то более радикально настроен против икон, против этих вещей, говорит, что это идолы. А в «Слове жизни» реально –приходишь, там есть картина Христа, и там Христос даже на стене есть, понятно, там более такой мультяшный, не канонический образ, но не суть. Я говорю: «А это не идол?» – «Но мы же не молимся ему». Я говорю: тоже не молюсь, я могу помолиться перед ним – ну, перед ним не буду, но перед каноническим образом. И я молюсь тому, кто на нём изображён. Какая разница, по сути, я молюсь перед иконой или нет, если даже с точки зрения протестанта рассуждать. Понятно, что с точки зрения православия всё-таки упор делается на то, что Бог может действовать через материальные святыни, Свою благодать передавать, так называемую энергию. Это я в книге отца Сергей Кобзаря впервые прочёл, и так в целом задумался. На самом деле, на Хэллоуин же протестанты все как один в сторис в инстаграмах говорят, что ни в коем случае не надевайте эту символику демоническую, вы можете нахватать там бесов и духов. И что получается? Получается, протестанты верят, что в негативном смысле можно нахватать демонов, а Бог не может действовать через материальные вещи, это как так? Какой-то диссонанс получается. Я увидел, что православное учение в этом более последовательно. Я, ещё будучи протестантом, верил, что есть промоленные места, если люди очень много молились где-то, где было Божие присутствие, то какая-то Божественная особая благодать там есть. И в принципе, примерно также я уже стал относиться и к православным святыням, иконам, мощам, храмам, святым местам, монастырям. Я не так много ездил, я больше ездил на самом деле, ещё пока был протестантом, и в разных путешествиях бывал. В Грузии я был в православном храме, в Турции был в Стамбуле во время миссии в православном храме греческом. В Сергиев Посад мы ездили с друзьями протестантами, там ещё спорили, и я как раз и убеждал, что это не идолы, что это просто изображение, это Евангелие в красках, богословие в красках – я услышал фразу, она мне понравилась.

А. Волков:

А как твои родные?

Александр:

Из-за того, что я не женат, у меня не было проблем с женой. Если бы я был женат, было бы больше проблем, если бы она была такой уверенной протестанткой. Я просто слышал разные ваши истории. Понятно, что это сложно было бы с детьми, с женой. Родители – сдержанно. Мама была больше рада, она далека вообще от религии. Я её приводил к протестантам, но она так особо не приняла всерьёз. Но она говорит, что это просто наша религия, наша вера народная. Для меня это, конечно, не аргумент, потому что я мог родиться в другой стране– арабской или где-то ещё. Это не аргумент за истину, но всё-таки это приятный бонус, что у нас это основная религия считается, гонений особо нет в наше время. Отец ушёл в восточные культы, так сказать, чакры чистят, хоть они Евангелие иногда читают, но толкуют по-своему. То есть там Бог – это всё во всём, какой-то плюрализм. Ему всё равно, что протестанты, что православные, это всё как бы вопросы такие очень вторичные.

А. Волков:

Ты чин присоединения перед Пасхой прошёл, правильно понимаю? Я так понял, что ты переходил в православие в этом году.

Александр:

Да, убедился я в конце лета, принял решение в начале осени, активно, скажем так, начал посещать собрания осенью-зимой, прошёл чин присоединения только весной.

А. Волков:

А как ты адаптировался, или ещё адаптируешься? Потому что для протестанта отношение к иконопочитанию, к молитве святым – такие вещи, которые его мозгу сложно осознать. Адаптировался ли ты, или для тебя ещё какие-то вещи непонятные?

Александр:

Скажем так, в процессе. Понятно, что я обращаюсь к святым, к Богородице меньше, чем стандартный православный воцерковлённый. Я несколько раз, конечно, пробовал молиться, и даже возможно, есть некоторое свидетельство. Ещё прошлой осенью, когда я впервые помолился Богородице и одному святому, у меня икона есть, от прабабушки досталась ещё, такая небольшая – Александр Свирский. От прабабушки осталась эта икона и крестик. Крестик я не носил, будучи протестантом, но икону не стал выкидывать, хоть меня убеждали что это идол. Но вот единственная икона у меня была, это я вот уже новую приобрёл. И у меня действительно пришло свидетельство, у меня там ряд финансовых сложностей решился как-то в одночасье, можно сказать. Честно, сложно сказать, действительно святой помог или Бог помог.

А. Волков:

Бог всегда помогает. Вопрос в том, что по молитве святого, или он не участвовал.

Александр:

Ну да, я понимаю, что это просто ходатаи наши молитвенные, так сказать, это ходатаи за нас. Как я могу брата из общины Церкви протестантской или пастора попросить помолиться, также мы просим святых, прекрасно это понимаю. Теоретически проблем, в общем-то нет. Вопрос в том, что в практике мы приучены к другому.

А. Волков:

Здесь вопрос практики. Сложно протестантскому уму это всё принять.

Александр:

Чувства навыком приучены, или даже наоборот, отучены. Как сказал мой духовник, что чувства навыком отучены от почитания святых, почитания икон и прочего.

А. Волков:

Как тебе иконопочитание – ты к этому адаптировался, или ещё только в процессе?

Александр:

Вообще я с интересом их разглядываю, будучи в храме, молюсь перед ними без проблем. То есть ко Христу обращаюсь, могу к Богородице обратиться. Опять же, говорю, к святым я не очень часто обращаюсь, потому что я не очень много читал житий святых. Потому что, мне кажется, для того чтобы к нему так обращаться, именно как будто к твоему знакомому, нужно почитать его житие или его какие-то сочинения. У меня пока с этим туго. Я начинаю с истории Евсевия Кесарийского, Деяний Вселенских Соборов. У нас там диспут планируется с протестантами из «Слова жизни», такой не очень официальный. Просто со мной ещё уже три человека перешло, получается. Вот эта девочка одна, а потом ещё одна убедилась в истине православия. Первой я проповедовал, но она потом уже сама стала изучать, потом какие-то вопросы задавать в «Слове жизни» поняла, что там глобальные дыры, там всё как бы притянуто за уши, это богословие. И если посмотреть уже таким трезвым, более-менее православным взглядом, оно просто рушится как карточный домик, всё их учение, которого по факту нет. Понатянуто там стихов из Библии, то есть берётся учение, какие-то стихи со своим толкованием прикручены –и вот оно, учение наше.

А. Волков:

Там самые такие большие дыры, если навскидку, которые я знаю, и вообще никто не может ответить на этот вопрос– это по поводу крещения. Я всегда задаю вопрос: зачем вы принимаете водное крещение, если оно на спасение не влияет? А если для пятидесятников крещение Духом Святым, если человек спасается по вере, то зачем ему ещё какие-то дополнительные мероприятия проводить, если на его спасение это не влияет? Я вопрос задаю, зачем водное крещение нужно, что оно о тебе даёт? И отвечает на вопрос: ну, что даёт…– публичное признание. Я говорю: ну как может быть публичное признание, если вы сейчас креститесь там, в баптистерии у себя в собрании, в узком кругу людей. Кому вы там собрались публично возвещать, что вы там присоединились к Церкви, к какой-то общине, зачем? И сколько раз общаюсь, наводящие вопросы задаю, то мы приходим к мнению, что это просто обряд в чистом виде. Я задаю вопрос: зачем Христос дал людям крещение водное, а мне отвечают: ну, просто чтобы это делать, просто Христос дал повеление это делать. Как это может Христос дать повеление, не объяснив, зачем оно нужно – просто так типа делайте, и вам ничего не объяснят, что ли? И в конце концов, мы приходим к мнению, что это обряд в чистом виде. Получается, нас, православных, обвиняют, что у нас излишняя обрядность, а оказывается, что для нас Крещение – это Таинство, это не обряд, Таинство реальное. А получается для протестантов это в чистом виде обряд, который можно делать, можно и делать, это никак на спасение не влияет.

То же касается и хлебопреломления – причастие протестантское. Я тоже задаю вопрос: «Для чего вы это делаете?» – «Ну мы вспоминаем смерть Господню». Ну хорошо, вспоминайте. Во-первых, вы вспоминаете раз в месяц, во-вторых, почему вы не вспоминаете каждый день, встал

ты утром и вспоминай, кто тебе мешает вспоминать? А зачем, когда вы вспоминаете, нужно обязательно есть хлеб и пить вино. Для чего это нужно вообще? Ты не можешь вспоминать без этого, что ли? Обязательно тебе нужно съесть хлеб и выпить вина для этого, вспоминать– зачем, в чём смысл это вспоминать, что тебе даёт вспоминание о том, что Христос умер, что оно тебе даёт для твоей личной жизни? И люди, когда начинают задумываться, они понимают, а что реально оно даёт? Ну, хорошо, оно мне даёт то, что я вспоминаю о том, что Христос умер за меня, и начинаю осознавать для себя лично. Ну, осознавай это каждый день, кто тебе мешает? Утром встал и осознавай, зачем обязательно делать некий обряд раз в месяц, почему это нельзя сделать каждый день. Каждый человек это может делать сам. Почему вы собираетесь вместе ради этого? Ты не можешь сам встать там утром, осознать что Христос за тебя умер – зачем для этого нужно собирать всё собрание ежемесячно и проводить это хлебопреломление вообще? Люди, когда начинаем разговаривать, все признают, что это обряд в чистом виде, это необязательное как бы священнодействие, оно не влияет на моё спасение, просто Христос сказал это делать, и мы это делаем. Люди даже не задумываются, для чего это нужно вообще, и по сути, их логика приводит к тому, что это просто обряд.

Александр:

У меня, знаешь, вопрос тогда появился, когда я стал изучать немножко богословие, я понимал уже теорию там преосуществление или преложения, по православному пониманию, примерно понимал теоретически. И я спросил у одного служителя в 2021 году нашей ХЦВ протестантской, того, кто, с кафедры проповедует, мой наставник был в то время. Я говорю: а почему, как мы причащаем всех? Я был ашером, я раздавал это причастие. Там не вино, там сок был, но не суть, всё равно, как бы по вере же, почему мы всех подряд причащаем, может, просто человек с улицы пришёл, и решил причаститься, почему бы нет. Кого мы можем причащать, а кого нет? Он говорит: ну, мы, причащаем тех, кто хотя бы покаялся в своих грехах, перед этим мы же читаем молитву покаяния, и вроде как если покаялся, уже можно, значит, ну, почему бы нет? Может, даже не крестился, непонятно. Я, кстати, был перекрещён в начале 2013 года, из-за чего тоже надо чин присоединения проходить, если не был перекрещён, то может быть, необязательно. И я запомнил такой по поводу причастия интересный момент. Ну, первое, я бы как протестант, сказал, что да, это действительно исполнение заповедей. Почему другие обряды православные не нужны– понятно, что в Библии, в Новом Завете нет таких заповедей, заповедей креститься в воде и причащаться. Это чисто по-протестантски я бы так ответил. Что это даёт– действительно непонятно, да.

Я запомнил ещё такой момент, что во время ковида как-то я причастился водой и батоном. Не было в магазине сока виноградного, вино я не пил, оно алкогольное, зачем покупать целую бутылку? И, короче, я просто водой по вере, и батон, просто хлеб белый, вроде как в причастии поучаствовал. Ну там просто говорили, давайте приготовимся, каждый себе купит что-то, онлайн причастимся. А потом как-то на сессии, во время МТИ у нас был предмет «новые религиозные движения», и там про мормонов рассказывали, что мормоны водой причащаются. Я пошутил с места, говорю: я однажды причастился водой, это значит я мормон? Там все смеялись просто– пасторы, епископы, некоторые служители разные.

А. Волков:

Но тогда, получается, если вы можете делать онлайн, зачем вы собираетесь вместе? Какой смысл в этом?

Александр:

Ну, для того чтобы были взаимоскрепляющие связи, отношения, вот эта близость, совместная

молитва.

А. Волков:

Зачем причащаться, если ты можешь просто помолиться, какой смысл в этом?

Александр:

Ну зачем онлайн, если ты уже пришёл, если можно физически собраться. Просто проповедь живую послушать, вживую, поздороваться, обняться с кем-то, взаимоскрепляющие связи, другой ответ я не вижу, честно.

А. Волков:

Получается, вы просто пришли помолиться туда, и всё. Зачем эта вся обрядность некая, причастие или крещение, или что-то? Я не знаю, было ли у вас там омовение ног.

Александр:

Нет, у нас не было, мы не настолько святые. Хотя в реабилитационном центре один раз я одному бомжу мыл ноги, он уже был такой более-менее чистенький, но всё равно очень противный, а перед этим мне один брат помыл ноги, короче. И он сказал: я получил откровение, чтобы дар исцеления через тебя стал работать, вычитал где-то в Евангелии, тебе надо ноги помыть вот этому человеку. Ну, я в пример уже другому, этому дедушке тоже помыл. Сделал по вере, так сказать, но что-то не очень стало работать на исцеление, честно говоря. Это единственный случай. Кстати, на первом курсе теологического института, перед сессией, это была вторая сессия, первая была онлайн, эта оффлайн была. Перед этим я наслушался лекций отца Андрея Кураева, старых, двухтысячных годов, как раз его полемика с протестантами, какие-то диспуты послушал. И я стал задавать вопросы на сессии одному человеку, который вёл религию и право, он параллельно был религиоведом и сравнительную теологию вёл тоже. Это был не тот предмет, но я его спрашивал, по его, так сказать, специализации, о апостольском преемстве, о первичности Предания по отношению к Писанию, основные аргументы православных. И он мне в какой-то момент на полном серьёзе сказал: «А ты не засланный православный случаем?» То есть меня уже на первом курсе подозревали. Меня это немножко обидело, потому что всерьёз я не рассматривал даже такой вариант тогда, но меня вопросы заинтересовали, что ответить по нашему протестантскому. Он меня в ответ переспросил: «А ты бы что сказал по-протестантски?» Я ему что-то сказал: «Ну, типа Писание боговдохновенно, так и сяк. Говорит: «Ну, вода водой». Но по факту оно и получается, ответы протестантов –вода водой на эти темы, потому что вокруг да около, попытка уйти от ответа, лишь бы наговорить что-то, цитат накидать там, я не знаю, ещё что-то.

А. Волков:

Я согласен, что вода водой, потому что если реально начнёшь задавать вопросы, наводящие, то ответа не находишь, к сожалению, чёткого. Там возникают огромные дыры в богословии, понимании всего этого. А сейчас ты куда ходишь в храм?

Александр:

В храм хожу недалеко от дома, Георгиевский храм, станция Кутузовская, город Подольск. Общения там как такового пока нет, ну и общинность там не очень развита сильно, хоть прихожан довольно много, по воскресеньям, по крайней мере, в праздники так вообще там не протиснуться. Но я езжу иногда на мероприятия в храм Космы и Дамиана – это или разбор

Библии, библейские чтения так называемые, или дома собираемся в какой-то праздник, вот Пасху отмечали последний раз. Ещё я стал ездить буквально последние несколько дней в храм Богородицы «Неопалимая Купина» в Отрадном. Там один священник молодой, отец Александр, он очень активно миссионерит людям из «Слова жизни», в том числе протестантам. И они записывали интервью с девочкой, которая убедила девочку – там так у нас цепная реакция пошла. Она ещё до сих пор там в кофейне работает, до сих пор не перешла. Она уже убеждённая православная, можно сказать. А протестанткой она была там полгода, там работала. Она только недавно вообще поняла, что мы веруем для спасения, а не просто для того, чтобы нам потусоваться вместе, попеть песенки. И всё-таки она убедилась в православии. Я ездил её поддержать, просто послушал, они меня тоже там уже на интервью убедили, но мы договорились через пару недель. Ну и на мероприятии одно в воскресенье вечером мы ездили тоже уже с другой девочкой, с которой мы вместе перешли из «Слова жизни», какой-то семинар по вере, просто там книги читали, разбирали святых отцов, Паисия Святогорца и кого-то ещё.

А. Волков:

У тебя друзья уже православные появились?

Александр:

Да, у нас есть чат с тремя девочками, которые переходят из «Слова жизни», одна подала бланк на присоединение к православию. Другие планируют в мае-июне максимум, пройти чин, готовятся тоже к нему. Есть немало православных, мы ездили на выезд, там около тридцати человек было, ещё в ноябре, потом в гости я на квартиру к ним ездил, Пасху мы вместе там отмечали, там человек 10–15. Мы не очень часто так общаемся, потому что я всё-таки в Подольске живу, а не в Москве. Так списываемся, иногда приезжаю. Я понял, что просто на службу я могу ходить в храм рядом с домом. Особенно мне священник положительный попался, который в теме, так сказать, и присоединил меня. Я хожу туда, там принимаю Причастие, а уже по общению на какие-то мероприятия в другие храмы. Я так понял, что как в протестантизме, я не привязан к конкретному храму настолько. Понятно, нужно найти лучше свою общину и там своё место, и там служить, быть полезным. Но в целом службы-то одинаковые по форме, во-первых, плюс Таинства везде действенные также. А в протестантизме непонятно, мы верим вроде правильно, а те непонятно, как верят. Ну, например, с точки зрения пятидесятников, пойти к баптистам это что-то не то. К лютеранам я вообще ходил, в Анненкирхе как-то приезжал, известный такой храм, там могут принимать причастие только лютеране, например. Хоть их пастор Евгений Рассказов мне провёл экскурсию там, по их выставке, потому что я на неё не успел, чуть опоздал, мы с ним так хорошо пообщались тоже, но они верят уже по-другому явно. Протестанты все верят по-разному, и даже если пойдёшь из «Слова жизни», например к, каким-то более консервативным пятидесятниками, и те, и те пятидесятники, просто из другого объединения, тебя там не примут в свою общину. Понятно, можно найти точки соприкосновения там, но всё равно сложно будет. Нет никакого единства в протестантизме, поэтому сложнее. Сейчас более либерально. Сейчас к православию относятся более положительно,в смысле толерантно, что все мы во Христа верим, вроде как везде есть спасающиеся люди. А когда я уверовал, там было всё странно.

А. Волков:

В православии ты находишься в другом городе, можешь сходить в храм, побыть на службе, и она такая же будет, как в твоём храме, где ты живёшь.

Александр:

Немножко очевидно, что на первый взгляд меньше общинности, к сожалению, и меньше приветливости, как у протестантов. Просто к протестантам ты приходишь, и если есть учение о евангелизации, о великом поручении, там тебе говорят: давай, приходи на домашнюю группу, давай пообщаемся, кто ты вообще такой по жизни, давай прогуляемся, в кафе сходим после. В Космe (храм Космы и Дамиана в Шубино) люди похожие к этому ближе, а в обычных православных приходах, здесь рядом здесь такого нет. Может, кто-то с чем-то общается, но не так много, не так часто, поэтому сложнее с этим.

А. Волков:

Ну, да, есть такое, там не построен такой вид, служения, скажем так.

Александр:

Но два таких прихода, как минимум, я нашёл, они достаточно далеко от меня. Один в полутора часах езды, другой в двух часах, но раз-два в месяц можно приезжать в принципе на какие-то мероприятия.

А. Волков:

Я на самом деле однажды зашёл в храм с моей женой на службу вечернюю, мы стоим, там Всенощное, там читается Шестопсалмие на утрене. Чтец читает шестопсалмие, и к нам священник подходит познакомиться. Познакомились, пообщались. Как-то неожиданно, никогда в жизни не ожидал, что священник просто сойдёт, увидел, что мы новенькие там, храм не городской, поселковый, он зашёл, пообщался и познакомился. Такой интересный был момент. Я по Калужской области больше знаю храмы, и много уже таких общин, приходов, которые между собой общаются, дружат, постоянно посещают, какие-то совместные мероприятия проводят, вместе отдыхать ездят, там библейские занятия проводят и так далее. Уже это часто встречаешь. То есть тенденция такая идёт к общинности в православии.

Александр:

Я слышал в интервью разных священников, которые говорят, что, да, этого действительно не хватает, но у протестантов это положительно, и что нужно это внедрять, больше общинности. Тут видишь, в чем нюанс такой. Мне кажется, православные священники всё-таки многие устают действительно от своей прямой функции проводить священнослужения, то есть проводить Литургии, подавать Таинства, требы различные, то есть именно от своих функций непосредственных. А уже какая-то миссионерская деятельность или катехизация – с головы это все идёт, и чтобы он там внедрял, эту общинность заводил, и сам близкие отношения людей к этому побуждал – это от инициативы отдельных священников исходит. И понятно, что многие устают, и многие не привыкли к этому, как в протестантизме. Просто в протестантизме они очень сильно продвинулись в маркетинге и принятии человеческом. Не все, кстати. Например, есть отделённые различные, о которых я слышал, там сложнее с этим гораздо. И у баптистов, кстати, в том числе. Есть разные, наверное, баптисты, в том числе, но пятидесятники, харизматы из-за чего быстро и растут: что они очень легко все принимают различные методы маркетинга современные, через интернет, различные рекламы. Мы QR коды, когда они только появились ещё в 2018 году с приглашением на конференцию разбрасывали по Москве, мы в клубы ходили, евангелизировали, и в клубах собирались даже, у нас были там собрания ХЦВ, например в ночном клубе. То есть в плане маркетинга – ну там ночью погрешил, утром пришёл покаялся в воскресенье, всё отлично. Они более открыты к переменам, более свободные в своей форме. И их многие пасторы мотивируют к тому, чтобы они приводили новых членов адептов, которые приносят десятины, пожертвования, и в целом дело будет расти. Я, конечно,

не склонен думать, что всё это ради денег, есть очень много искренних и проповедников, пасторов, которые в заблуждении, но они искренне в это верят, искренне учат. Но финансы всё-таки тоже имеют роль. Всё равно дело растёт и, соответственно тоже жизнь растёт.

А. Волков:

Они искренне верят в финансы.

Александр:

Это «Евангелие благодати» или «Евангелие процветания» работает на самом деле, но, к сожалению, только у тех, кто его проповедует, кто возглавляет эти общины, машина за 30 миллионов, Мальдивы, отдых и все такое. У американских, кстати, проповедников процветания, там у них личные джеты, я слышал, кроссовки, за несколько тысяч долларов, там весело вообще у них.

А. Волков:

Они это проповедуют и этим живут, они как бы герои, и все должны на них равняться.

Александр:

Нет с другой стороны, там бывает, что много действительно успешных людей, бизнесменов, примеров в том плане, у Вебера эта «Протестантская этика и дух капитализма» – что всё-таки протестанты склонны к тому, чтобы в своём труде видеть служение Богу и чтобы в этом расти, развиваться и быть хорошим в этом, чтобы всё делать как для Бога, вот как к Посланию Колоссянам сказано, и это положительная черта протестантов, если быть честным. Общинность, наверное. Ну и практическая жизнь, скажем так. Моральная сторона, что они стараются всё-таки не изменять, к зависимостям не склонны –в большинстве, и трудятся неплохо, бизнес многие строят, особенно среди пятидесятников харизматов. Но, к сожалению, не у всех это удаётся, это порой дело случая, у кого какие таланты, у кого какие связи, у кого какие исходные данные, родители кого обеспечивали изначально, кого нет, это от многих факторов зависит, не только от религии далеко.

А. Волков:

Александр, спасибо большое, что ты рассказал о своём переходе в православие, было интересно. На самом деле опыт разный, нет одинакового. Что ты поделился вообще этим своим переходом, думаю, что многие послушают и хотя бы из протестантов задумаются, хотя бы проверят, во что они верят. То, что мы как бы должны давать отчёт о нашем уповании – а вообще на что они уповают, во что они верят, в какие вероучения вообще верят, хотя бы задали бы самим себе вопрос: это реально истина или это просто какие-то фантазии, выдумки, которые были выдуманы протестантскими лидерами на протяжении нескольких столетий. Мы не говорим про Лютера. Из неопротестантов к Лютеру относится кто-то нейтрально, кто-то вообще отрицательно, кто-то положительно. Но мы говорим о том, что даже с лютеровским подходом к его учению, какое он проповедовал учение, у неопротестантов многие вещи даже с ним вступают в противоречие с его мировоззрением, вероучением.

Александр:

Нам как-то сказали про Лютера в Теологическом институте, что если бы он пришёл в вашу общину, вы бы его отлучили, потому что он выпивал, ещё какие-то вещи…

А. Волков:

В любом случае задумаются о том, во что они верят на самом деле, хотя бы это. Потому что многие люди приходят в эти общины протестантские в больших городах, молодёжь, для того чтобы провести время – там хорошие тусовки, общение со сверстниками своими, со своими друзьями. Но это же не просто кружки по интересам, это же все-таки вера в Бога, это серьёзные вещи, на которые нужно обратить внимание. Спасибо тебе, Александр, что ты поделился, рад был тебя слышать. И надеюсь, что мы как-нибудь увидимся, даст Бог, мы не так далеко друг от друга живём.

Александр:

До встречи. Всего наилучшего, с Богом.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/way

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch